

12. Краткие данные о состоянии овцеводства в частных хозяйствах Таврической губернии (к началу 80-х годов) // Памятная книжка Таврической губернии под ред. К.А. Вернера. – Симферополь: Типография газеты «Крым», 1889 – С.43.
13. Международная выставка меринсов в Харькове 1884 г.: каталог выставки. – Харьков: Тип. М. Зильберберга, 1884. – 66 с.
14. Приложение к всеподданнейшему отчету о состоянии Таврической губернии за 1887 год. – Симферополь: Типография губернского правления, 1888. – 123 с.
15. Всероссийская промышленная и художественная выставка в Нижнем Новгороде // Вестник финансов, промышленности и торговли. – 1897 – Т.4. - № 51. – С. 972 – 986.
16. Разные известия // Земледельческая газета. – 1893. – № 10. – С. 203 – 204.
17. Лаптев Ю.Н. Традиционная бытовая культура немцев в Крыму (XIX – 20-е гг. XXвв.) // Немцы в Крыму. Очерки истории и культуры. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – С. 22 – 37.
18. Гибер-фон-Грайфенфельс А.В. Коневодство и коннозаводство в имениях наследника Фальц-Фейна Таврической губернии Днепровского уезда. – Одесса: Тип. Ганьперина и Швейцера, 1897. – 16 с.
19. Список частных конских заводов в России. – СПб.: тип. Ю.Я. Римана, 1904. – 1277с.

Курамшина Ю.В.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТВОРЧЕСТВЕ П.М. Бицилли

В наше время науки о культуре, преодолевая разнообразие материалов и методов, стремятся войти в лоно единой научной дисциплины. В связи с этим представляется актуальным обращение к истокам формирования этих наук, когда они осознали особенность своих задач и методов по отношению к господствующей исторической парадигме. Наиболее оправданным является обращение к трудам представителей отечественной исторической мысли начала XX века, попытавшихся дать свой «ответ» на вызов новой эпохи. Одним из них был Петр Михайлович Бицилли (1879 – 1953) – замечательный, но несправедливо забытый до недавнего времени русский историк-медиевист. В его творчестве новое понимание исторической науки как преимущественно науки о культуре получило развернутое методологическое обоснование. Написанная им еще на заре научной деятельности работа «Элементы средневековой культуры» (1919) не потеряла своей ценности и сегодня, спустя почти 100 лет с момента выхода в свет. В ней ученый представил совершенно новый относительно всей предшествующей историографии образ Средневековья, заглянул в сознание средневекового человека, определил его исторические и культурные горизонты.

Целью данной статьи является попытка показать оригинальность творческого подхода к изучению истории Средних веков в творчестве П.М. Бицилли на материале его работы «Элементы средневековой культуры». В связи с этим, актуальной представляется постановка следующих исследовательских задач:

- описать основные вехи на пути становления отечественной медиевистики второй половины XIX – начала XX века;
- определить место и роль в этом процессе П.М. Бицилли и его работы «Элементы средневековой культуры»;
- выявить специфику исследовательского метода ученого;
- рассмотреть основные составляющие образа Средневековья.

Интерес к эпохе Средних веков Западной Европы пробудился в России одновременно с проникновением в русскую литературу романтических веяний, т.е. с середины 1810-х гг. Признаки этого интереса можно увидеть в творчестве В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, раннего творчества Н.В. Гоголя и других. В 20-30-е гг., с момента возникновения в среде русской интеллигенции двух направлений – славянофильства и западничества – проблема развития Запада стала предметом широкого общественного интереса, и научные занятия европейским средневековьем получили прочную основу.

До середины XIX века историческая наука в России придерживалась романтических позиций гегельянства (например, преподаватели Московского университета Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, С.В. Ешевский), но уже со второй половины 50-х гг. в Россию постепенно проникают идеи позитивизма, который вскоре становится господствующим направлением русской исторической мысли. «Шеллинг и Гегель, в качестве «властителей дум», уступают место Конту, Боклю, Спенсеру. С 70-х гг. начинает все сильнее сказываться влияние Маркса, приводящее к концу столетия к возникновению буржуазного «легального марксизма» [1, с.303]. В связи с этим на первый план выступают проблемы социально-экономической истории. Наиболее ярко это обнаружилось в разработке русскими медиевистами крупнейшей из социально-экономических проблем средневековья – проблемы крестьянской общины (важность этой проблемы была обусловлена всей обстановкой в тогдашней России), а также истории землевладения, экономического роста Европы, межклассовой борьбы и т.д. (М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, Ф.Я. Фортинский).

Уже этого далеко не полного перечня достаточно, чтобы убедиться в том, что в 1860-1870-е гг. наука истории Средних веков прочно стала у нас на ноги. Однако подлинное ее развитие связано с именами нескольких выдающихся ученых и их ближайших учеников, действовавших на рубеже XIX-XX вв. и специализировавшихся на изучении идейной жизни и культуры средневековья. Работы этих ученых занимают почетное место не только в русской, но и в европейской историографии, содействуя ее значительному продвижению вперед.

Первым центром развития данного направления была Москва, где сохранялись традиции Т.Н. Грановского и его ближайших учеников. Их продолжателем стал В.И. Герье. Будучи противником позитивистской историографии, он отмечал, что главными источниками историка всегда останутся произведения человеческого слова и главным предметом его изучения всегда останутся такие события, которые совершались внутри человека и которые поэтому доступны только психологическому анализу. Во всех своих работах Герье подчеркивает громадное влияние идей на судьбу народов и цивилизаций, а отдельная личность выступает как их создатель и носитель. Интерес историка привлекают психологические характеристики, а не история развития общества (докторская работа «Лейбниц и его век», 1868, «Августин», 1910, «Западное монашество и папство», 1913-1916, «Франциск, апостол нищеты и любви», 1908).

Заинтересованность вопросами средневековой культуры проявляется и в Петербургском университете. Здесь инициатором разработки этой тематики и главой культурно-исторической школы явился профессор И.М. Гревс, а наиболее выдающимися представителями – О. А. Добиаш-Рождественская, Л. П. Карсавин, Г. П. Федотов, Н. П. Оттокар, А. И. Хоментовская. Особенностью петербургской школы медиевистики был целостный анализ средневековой культуры, выявление общих тенденций в самых разных сферах жизни, особый интерес к духовной и религиозной культуре средневековья, тонкое чувство исторического и художественного стиля эпохи, яркость историко-психологического анализа [2, с. VIII].

К петербургской школе медиевистики, к кругу ее идей и интересов примыкал выдающийся историк, философ культуры, литературовед Петр Михайлович Бицилли (1879 – 1953). Высказав блистательные научные идеи, являясь по сути одним из основоположников новых научных направлений в историографии XX века, П.М. Бицилли не вошел в отечественную науку в связи с эмиграцией, и его имя до сих пор не известно большинству историков и культурологов.

Потомственный дворянин, П.М. Бицилли родился в семье банковского служащего, начальное образование получил дома, а затем поступил сразу в 4-й класс гимназии. В 1905 году он окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета как историк-медиевист. С 1910 года П.М. Бицилли начал активную научно-педагогическую деятельность – читал лекции на историко-филологическом факультете Новороссийского университета, на одесских Высших женских курсах, в одесском политехническом институте. Он разработал курсы лекций по истории средних веков, истории Востока, спецкурсы – «Введение в изучение средневековой исторической литературы», «История историографии», проводил практические занятия. В его семинаре в 1917–1919 гг. занимались будущие известные историки Н.Л. Рубинштейн и О.Л. Вайнштейн. В 1917 году П.М. Бицилли защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию («Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века»). После защиты ученый был избран штатным доцентом, а вскоре – экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории Новороссийского университета.

Политически П. М. Бицилли примыкал к левым либералам. Октябрьской революции, как и большинство людей этого круга, он не принял и в феврале 1920 года вместе с семьей выехал за границу. Последующая его жизнь прошла на Балканах. В 1920 – 1923 гг. он был профессором нового югославского университета в городе Скопье, а в январе 1924 года стал профессором всеобщей истории Софийского университета в Болгарии. Здесь он проработал 25 лет, до конца 1948 года, и за это время прочитал 78 лекционных курсов по самым разным проблемам истории. Параллельно с научной и преподавательской деятельностью в Софийском университете П.М. Бицилли активно сотрудничал с периодическими изданиями русского зарубежья: журналами «Числа», «Звено», «Русские записки»; в Болгарии – «Ежегодник Софийского университета» («Годишник на Софийския университет»), «Болгарская мысль» («Българска мисъл») и др.

В 1948 году Бицилли был уволен из университета без пенсионного пособия, т.к. новая власть Болгарии объявила его педагогом «буржуазного» направления, игнорируя большие заслуги ученого в деле развития болгарской исторической науки. В печати появились статьи, критиковавшие научный метод и изыскания профессора в области новой и новейшей истории. Враждебная атмосфера подорвала здоровье историка. «Чувство своей ненужности, обреченности все чаще овладевало им, – вспоминал его зять и биограф А.П. Мещерский. – Смерть (рак легкого) он встретил удивительно спокойно: он ее ждал и, очевидно, давно желал» [3]. Умер П. М. Бицилли 25 августа 1953 года в Софии. Зарубежная и эмигрантская печать почти не обратила внимания на смерть ученого.

Между тем, научное наследие П. М. Бицилли включает в себя 27 монографий, 144 статьи в журналах, 118 заметок и рецензий на русском, болгарском, чешском, французском, английском, итальянском и немецком языках. Работы ученого еще не оценены в должной мере.

Как уже говорилось, еще на раннем этапе своей научной и педагогической деятельности П.М. Бицилли определился как историк-медиевист, именно европейское средневековье и Возрождение стали его основной научной специальностью. Здесь интерес ученого выразился, помимо нескольких предварительных и побочных набросков, прежде всего в двух наиболее известных у нас книгах: «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века» (1916) и «Элементы средневековой культуры» (1919).

Можно сказать, что «Элементы средневековой культуры» – одна из первых культурологических в современном смысле работ в русской науке XX века. Отойдя от рассмотрения Средневековья в рамках исторической науки, требующих от исследователя объективности, фактов и хронологии, П.М. Бицилли попытался осмыслить его в сфере философии культуры и исторической психологии, где он был свободен в оценке явлений и соотношении их друг с другом.

Благодаря подобной смене исследовательской оптики в «Элементах средневековой культуры» был сформирован принципиально новый по сравнению с предшествующими этапами развития исторического знания образ Средних веков. В первую очередь это проявилось в стремлении увидеть в Средневековье *уни-*

кальную эпоху с особым типом духовной жизни, в необходимости осознания ее культурной инаковости по отношению к современности. Подобное понимание противостояло представлению о Средних веках как о «темных веках», идущего от гуманистов, а также более позднему взгляду на них как на один из этапов в движении человечества к современной цивилизации.

«Мы мыслим, а, следовательно, и говорим иначе, чем люди XII-XIII веков», – считал ученый [4, с.4]. Навыки мышления современного человека отличаются от «тогдашних», поэтому при передаче какой-либо мысли ее оттенки, неповторимая окраска пропадают. Для того чтобы этого избежать, П.М. Бицилли предлагает «войти в круг мыслей средневекового человека, проделать вместе с ним его умственные операции; тогда и только тогда слова приобретут для нас их настоящий смысл, и мы услышим подлинную средневековую речь» [4, с.68]. Только учитывая своеобразие форм восприятия мира человеком того времени и механизмов его мышления, рассматривая его поступки в соответствующем им контексте, возможно понять и дать адекватную оценку реалиям Средневековья. Именно в связи с этим в тексте встречаются такие выражения как «mentalite», «картина мира», «концепция мира». Эти понятия явились ключевыми в понимании культурного своеобразия Средневековья, что, в свою очередь, привело к переосмыслению и отходу на второй план такого явления как феодализм, являющимся основополагающим для предшествующей и последующей средневековья.

По мнению автора, мир представлялся средневековому человеку как «замкнутый в себе, законченный, иерархически расчлененный, покоящийся в гармонии своих частей комплекс вещей-символов» [4, с.138]. Он делится на три составляющие: 1) мир опытный (материальный), 2) мир сверхопытный (духовный) и 3) мир всеохватывающий (Бог). Опытный мир является символом мира сверхопытного, и каждый элемент материального мира есть символ соответствующего элемента духовного мира. Элементы же обоих этих миров служат символами Бога, который является предельной реальностью, бытием в себе и уже ничего не символизирует. Следовательно, любая вещь несет на себе Божий отпечаток и тем самым служит Ему. Все вещи являются символами по своей сути, это их обязанность, и не мы вкладываем в них символическое содержание. Нельзя заменять одни символы другими, «примышлять» для них значения – последние надо просто *знать* [4, с.14-15].

Если символическость мира – первое условие единства миропорядка, то второе, как уже говорилось, – его *иерархичность*. Понять внутреннюю связь обоих принципов довольно легко: все «вещи видимые» обладают свойством воспроизводить «вещи невидимые», быть их символами. Но не все в одинаковой степени. «Всякая вещь есть «малый мир», в который глядится «большой мир», но не всякая отражает его полностью. Человек же воспроизводит собой всю природу и, таким образом, находится в центре мироздания. Все подчинено ему и, значит, существует ради него. (...) Все твари служат высшим и пользуются услугами низших. Земля и вода служат и повинуются растениям, которые совершеннее их, потому что растения живут, а земля и вода – нет. Равным образом растения служат скотам, и все твари вместе служат человеку. В этом упорядоченность и единство вселенной» [4, с.54-55]. Уже одно это заставляет мыслить мир как иерархию символов. По иерархическому принципу построены все отношения. Критерий совершенства, «знатности», благородства применим решительно ко всем предметам. Вода «благороднее» земли, воздух «благороднее» воды и т.д. «Материальное» и «духовное» – только градации: материальное «ниже» духовного, божественное «выше» и «лучше», чем земное, эмпирическое, – однако того же порядка. Таким образом, символизм и иерархизм являются у П.М. Бицилли формулой всего средневекового мировоззрения и формулой всей средневековой культуры в целом. Даже в ересях, которые рассматривались протестантскими историками как провозвестники Реформации, автор не видит *нового* типа религиозного мышления, а выводит их из общего религиозного фонда, утверждая, что «символизм был ... неизбежен для средневекового сознания» [4, с.87].

Таким образом, делает вывод ученый, в окружающем нас мире «все связано одно с другим, все держится вместе» [4, с.13]. Поэтому еще одной руководящей тенденцией Средневековья как культурного периода исследователь признает тяготение к *универсальности*, стремление охватить мир в целом, понять его как некое законченное всеединство. При этом автор показывает, что мир мыслился как целое постольку, поскольку он весь, целиком зависит от Бога, является Его творением и Его отображением. В самом же мире не виделось никакого объединяющего начала, кроме Бога, мира как целого для человека того времени не существовало. Те же тенденции наблюдались и в отношении общества, которое мыслилось как абсолютное единство и в то же время как совокупность великого множества таких же абсолютных единств [4, с.84–95].

По-своему пересматривает П.М. Бицилли и концепцию «неподвижности» Средневековья. Иллюзия статичности, завершенности средневековой жизни, какую бы сферу ее – экономическую, политическую, социальную, духовную – мы не взяли, возникает вследствие «медленности» течения жизни в Средние века, что делало человека нечувствительным к восприятию жизненного ритма. Прежде, чем идея этой неподвижности выразилась в понятиях, неподвижный мир *ощутился* и отразился в произведениях искусства (здесь П.М. Бицилли опирается в качестве примера на работы Джотто) [4, с.138].

В третьей главе «Элементов», которая становится «ударной» для работы в целом, П.М. Бицилли пытается решить проблему зарождения исторического миропонимания в условиях этой идеи. Если для современного человека мир есть процесс, то для средневекового человека мир виделся как готовый результат. Объективирующее мышление Средневековья исключало постижение истории как процесса: люди, города, государства стареют и умирают, но во всем этом нет смысла и связи, нет движения, есть только его иллюзия. Вся история мыслилась как одно сплошное целое, которое завершится, реализуется в кончине мира. Ее можно обозревать из любой точки, т.к. итог все равно будет один и тот же – Апокалипсис [4, с.159]. Зарож-

дение историзма видится автору в учениях средневековых мистиков, которые осмыслили свой путь познания Бога как процесс «зачатия» и непрерывного «возрастания» Божества в своей душе, следовательно, и учитывали все его этапы.

Опыт исследования средневековой культуры, раскрывающийся в работах П.М.Бицилли, представляется очень интересным. Основываясь на идее культурного и психического отличия человека того времени от современного человека, автор подходит к выявлению своеобразия его сознания. Синтетическое изображение Средневековья «выводится» им из анализа ряда конкретных текстов и произведений искусства, замечательного тонкими наблюдениями и сохранением неоднозначности исследуемых явлений культуры. Однако смещение акцента в осмыслении Средневековья на проблемы историзма, переход от статического его рассмотрения к исследованию проблемы генезиса исторического понимания вносит, на наш взгляд, некоторые противоречия в его анализ средневековой культуры. Здесь уже автор решает проблемы философии культуры, где на первом плане стоят не исследовательские задачи понимания, но оценки тех или иных феноменов с точки зрения исповедуемых автором ценностей. Это выражается в сравнении и признании тождественности средневекового и современного ученому социалистического мышления (господство догматизма, завершение истории на определенной, заранее известной стадии и, как следствие, переход от «жизни» к «бытию») [4, с. 199]. В таком контексте Средневековье приобретает несколько отрицательную окраску.

П.М. Бицилли во многом опередил свое время и явился пионером историко-психологического и культурологического подходов в отечественной науке. Его работа «Элементы средневековой культуры» и по сей день является одной из лучших работ российской и украинской медиевистики.

Источники и литература

1. Вайнштейн, О.Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. – М.:Л. – 1940. – 373 с.
2. Каганович, Б.С. П.М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» / Бицилли, П.М. Элементы средневековой культуры. – СПб. – 1995. – С.VII – XXVII.
3. Мещерский, А.П. П.М. Бицилли: библиографический очерк. – 1954. – Рукопись. – СПб. – ИРЛИ.
4. Бицилли, П.М. Элементы средневековой культуры. – СПб., 1995. – 243 с.

Хаяли Р.И.

ДЖАДИДИСТСКАЯ РЕФОРМА КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДНОГО ТЕАТРА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Актуальность проблемы. Начало XX столетия стало переломным для крымскотатарского социума. Модернизация экономики, изменения в общественной жизни повлекли за собой качественные изменения в образовании и культуре. Существенное влияние идей джадидизма испытал на себе крымскотатарский народный театр. С точки зрения джадидов реформированный народный театр должен был играть одну из ведущих ролей в популяризации их новаторских идей в социальном переустройстве и преобразовании крымскотатарского общества. **Цель** статьи – проанализировать джадидистскую реформу крымскотатарского народного театра в конце XIX – начале XX столетия.

Среди исследований истории крымскотатарского театра необходимо остановиться на монографии С. Керимовой [1]. Несмотря на то, что в работе хронологические рамки определяются концом XIX – началом XX столетий исследование заканчивается первой половиной 1930-х годов. В монографии встречается вольная интерпретация различных исторических фактов. Так, например, часть третья называется «Крымскотатарский государственный драматический театр в 1920-е годы». Совершенно очевидно, что такого театра в Крымской АССР не существовало. Был Крымский государственный татарский драматический театр. А это уже большая разница. В работе можно отметить целый ряд грубых недочетов. Работая над книгой, автор так и не разобрался, где имеет дело с источниками, а где с научной литературой. И как обычно в монографии нет выводов! Но самое главное автор, работая над проблематикой, так и не смог понять, что конец XIX – начало XX столетия характеризуется джадидистской реформой народного театра. Об этом в монографии нет ни слова!

В работе очень часто идет простой пересказ пьес. При этом делается попытка проанализировать драматургию Умера Ипчи. Ранее это попытался сделать в своей докторской диссертации, посвященной эволюции крымскотатарского художественного слова в конце XX – начале XX столетия И. Керимов. Диссертация написана на крымскотатарском языке и защищена в Казахстане. Видимо, в семейном научном тандеме такие категории как авторское право и плагиат отсутствуют.

В начале XX столетия в крымскотатарском социуме джадиды занимали лидирующее положение, обращая свои пристальные взоры и оказывая идейное влияние на все сферы общественной жизни. У истоков реформирования народного театра стояли джадиды, их последователи и ученики, а также известные крымские меценаты и филантропы. Среди активных реформаторов выделялись И. Гаспринский, А. С. Айвазов, Я. Байбуртлы, Дж. Меинов, И. Муфти-заде, М. Давыдович и другие.

Развитие литературно-художественного творчества крымских джадидов, основанного на эволюционном социально-культурном переустройстве общества, способствовало появлению драматических произведений, отражавших социальные проблемы общества, постановка которых требовала реформирование народного театра. Именно джадидам принадлежала идея и организация первых небольших театральных сцен, а в последующем создание классических пьес, спектаклей с участием устоявшегося актерского коллектива.